

Деятельность православных общин на Гомельщине в условиях немецко-фашистской оккупации

И.А. Грищенко,
старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных
и правовых дисциплин Гомельского государственного
технического университета имени П.О. Сухого
e-mail: iris10i@mail.ru

Аннотация. В статье, с опорой на архивные материалы, рассматривается деятельность православных общин Гомельской области БССР в условиях немецко-фашистской оккупации. Проанализированы причины возрождения церковной жизни в период Великой Отечественной войны, конфессиональная политика нацистской Германии на оккупированной советской территории, позиция православного духовенства и прихожан относительно оккупационного режима.

Ключевые слова: Белорусская Православная Церковь, Великая Отечественная война, Гомельщина.

The activities of Orthodox communities in the Gomel region under Nazi occupation

I.A. Grishchenko,
Senior Lecturer at the Department of Social,
Humanitarian and Legal Disciplines,
Gomel State Technical University named after P.O. Sukhoi

Abstract. The article, based on archival materials, examines the activities of the Orthodox communities of the Gomel region of the BSSR under Nazi occupation. The reasons for the revival of church life during the Great Patriotic war, the confessional policy of Nazi Germany in the occupied Soviet territory, the position of the Orthodox clergy and parishioners regarding the occupation regime are analyzed.

Keywords: Russian Orthodox Church, Great Patriotic war, Gomel region

Давать оценку церковной жизни на территории БССР в годы немецко-фашистской оккупации непросто, если учесть, что практически все приходы в восточной части Белоруссии были восстановлены именно в условиях оккупации.

Беспрецедентная борьба с религией в СССР в 1920–1930-е гг. поставила Русскую Православную Церковь (РПЦ) на грань уничтожения. По некоторым советским архивным данным до революции на территории Гомельской области насчитывалось 150–160 церквей [1, л. 35]. В одном только Гомеле было 10 храмов [2, л. 7]. В 1937 г. Могилевская епархия, куда

входила и Гомельщина, была закрыта. К 1939 г. не было уже ни одного легально действующего храма. Нацисты полагали, что гонимая Православная Церковь поддержит оккупационный режим, по крайней мере, на стадии ведения войны с СССР. Но факты сотрудничества духовенства и активных мирян с гражданской и военной администрацией Германии были единичны, а церковная жизнь на оккупированной советской территории восстанавливалась стремительно.

Для налаживания церковной жизни в Восточной Белоруссии по благословению архиепископа Пантелеимона (Рожновского) были направлены миссионеры, насельники Жировицкого Успенского монастыря архимандрит Серафим (Шахмуть) и священник Григорий Кударенко. К моменту их прибытия в Гомель в городе уже действовало три храма: Георгиевская церковь (освящена 25 октября 1941 г.), Николаевская (Полесская) церковь (освящена 17 декабря 1941 г.) и Петропавловский собор (освящен 17 марта 1942 г.). В Гомеле миссионеры находились с 4 июля 1942 г. по 26 сентября 1943 г. За это время архимандрит Серафим со своим товарищем освятил множество храмов в прилегающих районах Гомеля. По сведениям Гомельского благочинного Николая Гейхрота за годы оккупации в Гомельском районе было открыто 17 храмов. Кроме Гомеля была организована приходская жизнь в Красном, Еремино, Старой Белице, Бартоломеевке, Новых и Старых Дятловичах, Скитке, Ченках, Новобелице, Крупце (Урицкое), Прибытках, Бобовичах, Головне, Романовичах [3, с. 23–24]. Во время оккупации по ходатайству прихожан также были открыты храмы в Глубоцком, Гадичево, Поколюбичах [4, с. 36, 99, 130]. О восстановлении приходов сохранились довольно скудные сведения. Как правило, это воспоминания местных жителей. Типичная для тех лет история – открытие храма в д. Гадичево Гомельского района. В Екатерининской церкви этой деревни до войны был клуб. В конце 1941 г. с разрешения оккупационных властей возобновились богослужения. Жители Гадичево и соседних Маркович принесли уцелевшие после погрома 1930-х гг. иконы, нашли священника [4, с. 99]. В восточных областях Белоруссии была острая нехватка священников, поскольку все духовенство было репрессировано. Единицы успели вернуться из заключения на родину накануне войны. В годы оккупации на легальное положение перешли также иосифляне (церковная оппозиция, не признавшая митрополита Сергия (Страгородского) главой РПЦ). Позиции иосифлян придерживался иеромонах Антоний (Манин), в годы войны совершавший богослужение в д. Причалесня Чечерского района. Для этого он переоборудовал под храм свой дом. Принадлежал также к иосифлянам иеромонах Иоанн (Матвеев), который в годы оккупации был настоятелем Успенского храма в д. Бобовичи Гомельского района [5, с. 250–251]. Большую роль в возрождении церковной жизни сыграли монашествующие. Они, уцелевшие от репрессий 1930-х гг. и легализовавшиеся во время войны, помогали в организации приходов. 19 августа 1942 г. архимандрит Серафим (Шахмуть) восстановил женскую обитель в Ченках. Он совершал

постриги, и среди его духовных чад была матушка Манефа (Скопичева) (канонизирована БПЦ).

Всплеск религиозности удивил оккупантов. Вполне естественно, что нацистское руководство рассчитывало на поддержку со стороны духовенства и большей части верующих. Конфессиональная политика нацистов на оккупированной территории во многом определялась прагматичными соображениями: на время войны с СССР необходимо было обеспечить спокойный тыл для армии. Восстановление приходской жизни на оккупированных территориях должно было, по расчетам нацистских пропагандистов, добавить симпатий местных жителей к новому режиму.

Однако обольщаться относительно лояльности оккупационных властей к Православной Церкви не приходится. Высшее руководство Третьего рейха подчеркивало чуждость христианского учения нацистской идеологии, которая в основе своей имела неоязыческие корни. Всякие заигрывания с церковью, будь то католической, протестантской или православной, следует рассматривать исключительно как тактический ход нацистского руководства, а антихристианская позиция фюрера была вполне определенной: «Мы знаем, что христианство – всего лишь недолгая эпоха в истории человечества. Я не потерплю, чтобы поп вмешивался в земные дела. Но в этом деле нельзя ломать через колено. Нужно подождать, пока церковь сгниет до конца, подобно зараженному гангреной органу. Нужно довести до того, что с амвона будут вещать сплошь дураки, а слушать их будут одни старухи» [6, с. 89–90, 50]. Гитлер в дальней перспективе видел Германию очищенной от христианства, а основой религии немцев должна была стать «вера в бога природы, в бога собственного народа, в бога собственной судьбы, собственной крови. Или ты христианин или язычник. Совмещать одно с другим невозможно» [7, с. 59].

Политика относительно христианской церкви была сначала отработана на католической церкви. Несмотря на конкордат нацистской Германии с Ватиканом (20 июля 1933 г.), сохранявший некоторые привилегии католической церкви, в обмен на невмешательство церкви в политические дела, нацистское руководство считало себя вправе исполнять условия соглашения ровно настолько, насколько ему это было нужно. С 1933 г. по 1936 г. римским папой было направлено 34 ноты протеста в адрес германского правительства, нарушавшего права католиков в Германии [8, с. 549]. Глава РСХА Р. Гейдрих, как и фюрер, рассматривал конкордат с Ватиканом лишь как отсрочку окончательного удара по христианству в Европе. В 1937 г. НСДАП заговорила о массовом выходе своих членов из католической церкви. С осени 1940 г. положение христианских конфессий в Германии ухудшилось. В Германии нацисты ликвидировали 120 монастырей, еще ранее в присоединенной Австрии закрыли около 1000 монастырей [7, с. 61]. Своеобразной репетицией проведения в жизнь антицерковной политики на оккупированной территории стала область Вартегау (часть Польши с центром в Познани). С сентября 1939 г. там проводилось после-

довательное уничтожение всех религиозных организаций, главным образом католических. К приходу советских войск 97% храмов, существовавших до войны, и все монастыри были закрыты. Из 1900 священников более 90% были арестованы, депортированы или убиты [7, с. 77]. В случае победы нацистской Германии в войне, то же самое ждало и Православную Церковь.

Планируя нападение на СССР, гитлеровское руководство рассчитывало активно использовать религиозный фактор, но существовали разногласия тактического плана относительно церковной политики на оккупированных территориях. Военная администрация готова была к сотрудничеству с религиозными организациями с целью «замирения» местного населения, находящегося в тылу у частей вермахта. Министерство занятых восточных территорий в лице А. Розенберга полагало, что церковь на оккупированной советской территории необходимо использовать в пропагандистских целях. РСХА, высшее нацистское руководство выступали за активизацию антицерковной политики. Директивы А. Гитлера относительно этого вопроса отличались жесткостью. В частности служащим вермахта запрещалось участвовать в религиозной жизни населения на оккупированной территории. Запрещены были всякие контакты капелланов с гражданским населением. Не допускались перемещения священников с территории рейха на оккупированные территории. Глава РСХА Р. Гейдрих в указе от 16 августа 1941 г. отмечал: «О воссоздании прежней Патриаршей Русской Церкви не может быть и речи. Особо следует следить за тем, чтобы не состоялось никакого оформленного организационного слияния православных кругов. Равным образом не надо препятствовать развитию сектантства на советско-русском пространстве» [7, с. 158]. Это соответствовало взгляду фюрера: «Следует избегать создания единых церквей. В наших же интересах, чтобы в каждой деревне была своя собственная секта со своими представлениями о боге, тем самым разъединяющие тенденции в русском пространстве еще более усилятся» [6, с. 198].

В октябре 1941 г. Генеральный Комиссариат Белоруссии заявил, что Православная Церковь может существовать только как автокефальная и оговаривалось ее название – «Белорусская Автокефальная Православная Национальная Церковь». При этом нацистов совершенно не интересовала каноническая сторона дела, да в ней они и не разбирались, поскольку церковная автокефалия служила их ближайшим целям. В перспективе Православная Церковь все равно подлежала ликвидации. Чтобы пресечь любую консолидацию народа на оккупированных территориях, было предпринято не только административное деление, не совпадавшее с границами советских республик, но также деление церковных округов с децентрализацией церковного управления. Оккупационные власти с опорой на националистов-коллаборантов предприняли шаги по отрыву Белорусской Православной Церкви (БПЦ) от Московской Патриархии. Националисты настаивали на белоруссизации БПЦ. Оккупационные власти требовали, чтобы проповедь в храмах и делопроизводство велись на белорусском языке, а назна-

чение епископов, благочинных и священников не производилось бы без ведома немецких властей. Неосведомленность оккупантов в канонах Церкви была использована руководством БПЦ. Экзарх БПЦ митр. Пантелеимон (Рожновский) и сменивший его архиеп. Могилевский Филофей (Нарко) сделали все возможное, чтобы не допустить отделения БПЦ от РПЦ. Белорусская автокефалия, несмотря на официальное провозглашение 30 августа 1942 г., так и не была оформлена канонически [9, с. 333]. В мае 1944 г. архиерейская конференция БПЦ объявила постановления Собора 1942 г. недействительными.

Положение духовенства осложнялось требованием со стороны оккупационных властей проявления лояльности. Находились в среде духовенства те, кто готов был к активному сотрудничеству с оккупантами, преследуя своекорыстные цели. Случались компромиссы со стороны духовенства с целью сохранения не только своей жизни, но и жизни прихожан. В Гомеле 20 апреля 1942 г. по распоряжению городской управы была совершена служба с многолетием А. Гитлеру по случаю его дня рождения [3, с. 22]. Но, как правило, верующие болезненно реагировали на втягивание Церкви в пропагандистские кампании нацистов. Неприятное впечатление на православных гомельчан произвела служба в Петропавловском соборе, проведенная архиепископом Николаем (Автономовым). Ропот вызвала проповедь, направленная на поддержку фашистского режима, а также странный внешний вид архиерея – безбородый, стриженный, без мантии. 22 июня 1943 г. в годовщину нападения Германии на Советский Союз Николай Автономов на площади при большом стечении народа и в присутствии немецких и гражданских властей выступил с проповедью, восхвалявшей Гитлера, как освободителя Европы от большевизма. Вскоре выяснилось, что Николай Автономов принадлежал обновленческой церкви и его архиерейство не признано РПЦ. По требованию верующих и большинства православного духовенства Николай Автономов был удален из Гомеля [3, с. 23]. Несмотря на то, что в 1943 г. была образована Гомельская епархия, епископ Григорий (Боришкевич) не смог приехать в Гомель, поскольку к городу приблизилась линия фронта.

Под давлением нацистов Белорусская Автокефальная Православная Церковь призывала не помогать партизанам и подпольщикам. Но случаи доносов, нарушения тайны исповеди со стороны православных священников были единичны. Наоборот, многие священники активно сотрудничали с подпольным и партизанским движением. Командир партизанского отряда им. Кирова в докладе сообщал о деятельности священника Раины Кузьмы Петровича: «Доставлял в партизанские отряды разведанные, призывал население к оказанию содействия народным мстителям. Проявил себя как подлинный патриот нашей великой Родины». 9 октября 1943 г. священник был арестован нацистами в храме и приговорен к расстрелу. Он чудом спасся, позже служил настоятелем Петропавловского собора в Гомеле [7, с. 439]. Среди тех, кто помогал партизанам был и настоятель Николаев-

ской (Полесской) церкви г. Гомеля протоиерей Василий Копычко. В годы войны он служил на Пинщине. Гомельский благочинный протоиерей Николай Гейхрех способствовал освобождению заключенных из Дулага 121 (Гомельский центральный пересыльный лагерь для военнопленных), выдавая их за своих родственников. Он же, при поддержке прихожан, организовывал передачи для заключенных (еда, лекарства, теплые вещи). Священник Евгений Крокас (с. Милевичи, Житковичский район) в период оккупации сотрудничал с партизанами, информируя их о передвижении немецких войск. Протоиерей Александр Романушко в письме митрополиту Алексию (Симанскому) осенью 1944 г. сообщал, что число священников в Полесской епархии уменьшилось на 55% в связи с расстрелами их фашистами за содействие партизанам [10, с. 123]. Уже после войны многие священники, за активное участие в антифашистской борьбе были отмечены наградами: священник Кузьма Райна – боевыми медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «Партизану Великой Отечественной войны» I степени; священник В.В. Бекаревич был награжден орденом Отечественной войны II степени; священник Василий Копычко – медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [11, л. 175].

Участие духовенства в борьбе с оккупантами объясняется тем, что свою сатанинскую сущность нацистская идеология проявила сразу: расстрелы мирных жителей, грабежи начались уже летом 1941 г. Не особенно церемонились оккупанты и с сакральными объектами. Так, на церковном кладбище в Поколюбичах (Гомельский район) на сохранившемся надгробном памятнике местного священника немцы установили пулемет и расстреляли десять человек – восемь военнопленных и двух местных жителей, тела выбросили в силосную яму и не разрешали местным жителям их похоронить [4, с. 131]. Зверства усилились после первых провалов германской армии. В д. Климовка Гомельского района немцы на глазах матери Веры Ионовой расстреляли пятерых ее детей в возрасте от 6 до 13 лет, а потом убили и ее. В той же деревне у Анны Старовойтовой расстреляли четверых детей 2–6 лет. При отступлении оккупанты в Прибытках сожгли 143 двора, сгорела и Рождество-Богородицкая церковь. Было убито 17 жителей. Обнаружив в бане 80-летнего старика, уклоняющегося от угона, каратели сожгли его заживо. Престарелую Лукерью Алексеенко нацисты изрезали, выкололи глаза, бросив на огороде, – несчастная скончалась в страшных муках [4, с.171]. На Гомельщине были сожжены церкви в селах Поколюбичи, Бобовичи, Прибытки, Ларишево, Скиток, Заполье, Заболотье, Старое Село, Кистень, в городах Турове и Жлобине. В Гомеле были уничтожены церкви Рождества Богородицы и св. Александра Невского, разграблен Петропавловский собор [12, 99]. В некоторых случаях церковные здания оккупантами превращались в тюрьмы и концлагеря. В Никола-

евской церкви д. Романовичи Гомельского района осенью 1943 г. содержалось около 100 заключенных [13, л. 20].

В то же время за годы оккупации в Белоруссии партизанами были убиты 42 православных священника, и сейчас трудно установить, насколько обоснованы были действия партизан. Якобы за сотрудничество с СД были арестованы гомельские миссионеры архимандрит Серафим (Шахмуть) и священник Григорий Кударенко. На допросах архимандрит Серафим не скрывал, что в проповедях обличал безбожную власть большевиков, однако это не означало одобрения им нацизма. Особым Совещанием НКВД СССР 7 июля 1945 г. оба миссионера получили по 5 лет ИТЛ. 5 марта 1946 г. архимандрит Серафим (Шахмуть) скончался в лагере по официальной версии от сердечного приступа. Священник Григорий Кударенко, вернувшись из заключения, принял постриг с именем Игнатий в Жировицком Успенском монастыре, где и скончался в 1984 г. в возрасте 89 лет [3, с. 28]. Также был признан коллаборантом и протоиерей Николай Гейхрех, благочинный Гомельского церковного округа. Получив 8 лет ИТЛ, он скончался в заключении [5, с. 85].

После освобождения Белоруссии отношение советских властей к священнослужителям оставалось настороженным, а порой и откровенно враждебным. Выступая перед партактивом, глава БССР П. К. Пономаренко высказал недовольство и обеспокоенность тем, что священники в период оккупации расширили свою деятельность. По некоторым архивным данным на 1 января 1945 г. в Гомельской области действовало 68 церквей и молитвенных домов [1, л. 35]. Пономаренко считал, что «отправление всяких культов и веротерпимость нельзя смешивать». С конца 1940-х гг. возобновилось массовое изъятие церковных зданий под клубы и школы, участились случаи арестов и снятия с регистрации наиболее активных священников и архиереев. В 1949 г. были закрыты храмы в 20 населенных пунктах Гомельской области [14, л. 4, 13]. За 1950 г. количество молитвенных домов и церквей в регионе уменьшилось еще на 5 единиц [15, л. 1, 2]. Обоснованием закрытия храма чаще всего выступал довод, что он был открыт в период оккупации, а здание бывшей церкви «незаконно захвачено» верующими.

Однако, несмотря на складывающиеся обстоятельства, РПЦ сохраняла верность заветам Христа, что не позволило ей идти на поводу конъюнктурных соображений и встать на путь предательства своего народа. Духовный опыт христианской Европы не дал свастике взять верх над Крестом. Православная Церковь не только выстояла в годы Великой Отечественной войны, но своим служением Богу и Отечеству явила пример истинного патриотизма, который не отождествляет понятия «Родина» и «политический режим» и не подменяет их друг другом. Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) 22 июня 1941 г. в своем «Послании пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», призывал не оставаться молчаливыми свидетелями происходящего и не предаваться

«лукавым соображениям» о «возможных выгодах» по другую сторону фронта, что было бы «прямой изменой Родине и пастырскому долгу» [10, с. 119, 120]. Если бы политиканство затронуло основы вероучения, вряд ли бы Православная Церковь устояла. Церковь сохранила свое единство благодаря ясности канонического сознания и верности заветам Иисуса Христа в отношении ближнего.

Литература

1. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 3441. Оп. 1. Д. 2.
2. ГАГО. – Ф. 3441. Оп. 1. Д. 6.
3. Кривонос, Ф. П. Незабвенный пастырь преподобномученик Серафим Жировицкий / протоиерей Феодор Кривонос. – Минск : ВРАТА, 2016. – 52 с.
4. Цыкунов, С. В., Ветошкин, В. Л. Исторические сведения о приходах Гомельской епархии. Гомельский район / С. В. Цыкунов, В. Л. Ветошкин. – Гомель : Барк, 2017. – 212 с.
5. Слесарев, А. В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953): биографический справочник / авт.-сост. А. В. Слесарев. – Жировичи : Издательство Минской духовной академии, 2017. – 339 с.
6. Пикер, Г. Застольные разговоры Гитлера / Г. Пикер. – Смоленск : «Русич», 1993. – 496 с.
7. Шкаровский, М. В. Нацистская Германия и Православная Церковь / М. В. Шкаровский – М. : Издательство Крутицкого подворья, 2002. – 524с.
8. Норвич, Д. История папства / Джон Норвич; пер. с англ. А. В. Короленкова и Е. А. Семеновой. – М. : АСТ, 2014. – 606 с.
9. Архиепископ Афанасий (Мартос). Беларусь в исторической государственной и церковной жизни / Афанасий (Мартос), архиепископ. – Минск : Издательство Белорусского Экзархата, 2000. – 352 с.
10. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве / М. В. Шкаровский. – М. : Издательство Крутицкого подворья, 2005. – 424с.
11. ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 5. Д. 5.
12. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 861. Оп. 1. Д. 6.
13. НАРБ. – Ф. 951. Оп. 2. Д. 2.
14. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 144. Оп. 60. Д. 8.
15. ГАООГО. – Ф. 144. Оп. 42. Д. 70.